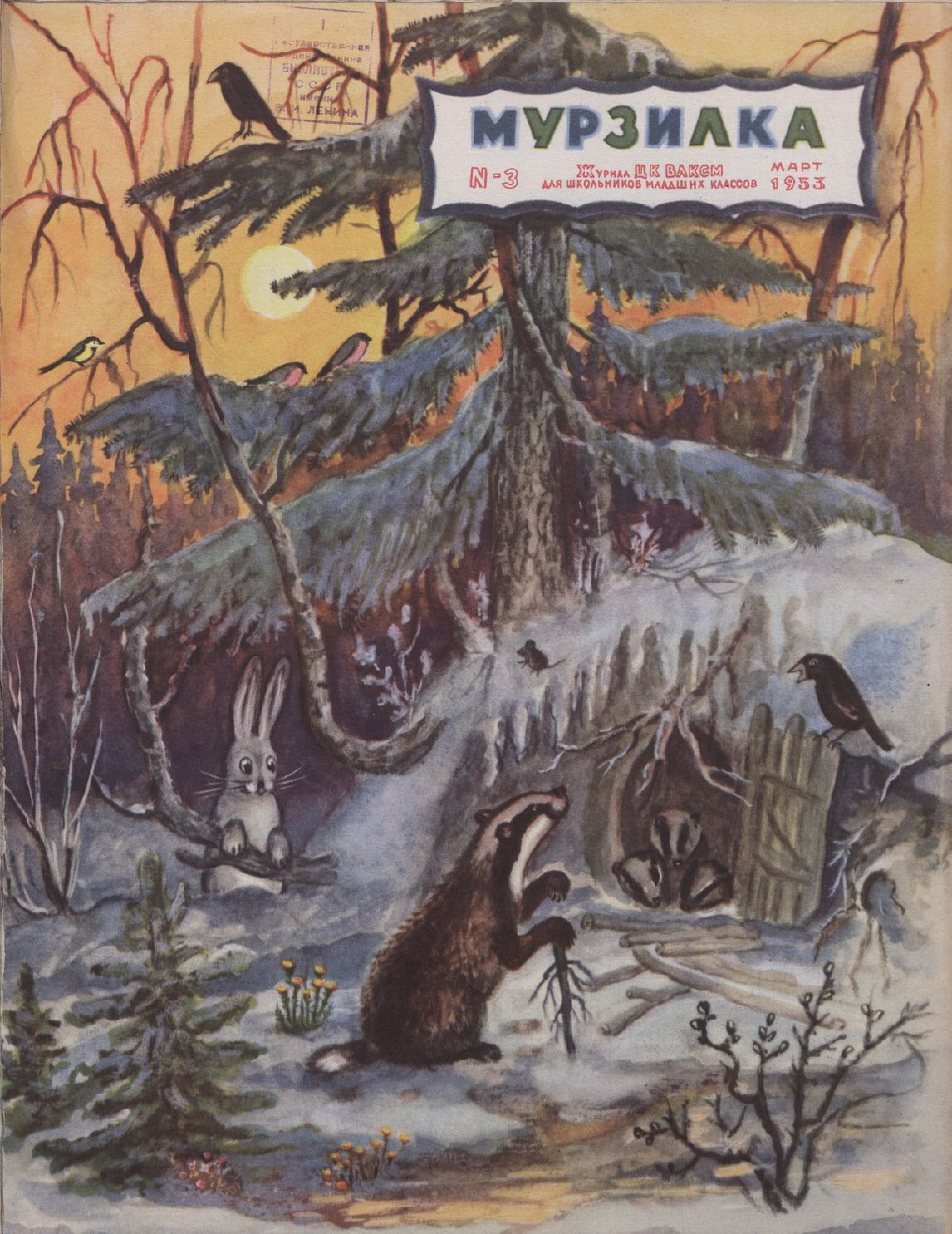

МУРЗИЛКА
N-3
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
МАРТ
1953

МАМА

Л. ВОРОНКОВА *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

1

В комнате тепло, тихо и ещё совсем темно. Шторы на окне неплотно закрыты. Но и с улицы глядит в комнату темнота. Только снежные искорки на карнизе чуть-чуть светятся под белым лучом уличного фонаря.

Лёня спит. Его старшая сестра, Зина, тоже спит. А мама уже встала. Встала и хлопочет на кухне, готовит завтрак. Часы пробили половину восьмого. Мама вошла в комнату, положила на постель Лёне выглаженную рубашку. Потом посмотрела, не прохудились ли у ребят чулки, — нет, не прохудились ещё. Постояла, послушала, как дышат дети во сне. Жалко будить, а надо!

— Ребята, в школу пора!

Зина услышала мамин голос и сразу вскочила. А Лёне ещё снился сон. С трудом открыл он глаза, посмотрел на тёмное окно.

— У! Ещё ночь не прошла! — сказал он и снова уткнулся в тёплую подушку.

Но мама не отошла от его кровати.

— Э, нет, сынок, ничего не выйдет. Тебе в школу пора, а мне на работу. Давай же не опаздывать!

И мамины руки, немножко шершавые и жёсткие от работы, принялись тормошить Лёню, принялись его щекотать.

— Вот соня какой! — сказала Зина. — Другие люди сразу встают. А наш Лёнька лентяй, никак с постели не поднимется!

— Как не поднимется? — возразила ей мама. — Да он сейчас же вскочит. Да ещё как быстро соберётся — оглянуться не успеешь!

— Может, к обеду соберётся, — ответила Зина; она уже причесалась, заплела косу. — Мама, поверь мне, я его характер лучше знаю. Уж если заленится...

Лёня живо вскочил, живо оделся, живо умылся. И раньше всех сел за стол.

— Ну что? — сказал он Зине. — Кто лучше знает: ты или мама? Может быть, ты?

2

Лёня и Зина учились в разных школах. Как вышли из ворот, так и разошлись: Лёня в одну сторону, а Зина в другую.

И тут с Лёней случилась беда. Три дня назад Лёня в первый раз в жизни записался в библиотеку. И в первый раз в жизни он получил библиотечную книгу. Книга была очень красивая: на синей обложке светился золотой месяц, блестели золотые звёзды и через всю обложку летели белые, как снег, птицы.

— Это летят гуси-лебеди, — сказала ему библиотекарша Анна Петровна. — В книге много сказок. Только смотри, Лёня, не порти книгу, не пачкай, она ещё совсем новенькая.

И Лёня очень берёг эту книгу. А когда прочитал все сказки, то понёс её сдавать.

«Анна Петровна посмотрит, а книжка вся чистенькая!» — думал Лёня. И очень захотелось ему вытащить книгу из сумки и ещё раз полюбоваться, какая она чистенькая.

Лёня вытащил книгу. А когда вытаскивал, то под ноги не глядел и не видел, что под ногами у него лужа. Мартовская оттепель везде налила воды — и около ворот и около тротуаров, а морозец обрядил эти лужи молодым серебряным ледком. Лёня поскользнулся, упал, а книга его, новенькая, чистая, с золотыми звёздами и белыми лебедями, вырвалась из рук и попала прямо в канавку с водой. Лёня вскочил, выхватил книгу из воды. Но какова же она была! Страницы намокли и склеились, белые гуси-лебеди стали серыми, а золотой месяц и золотые звёзды совсем погасли.

Крупные слёзы брызнули из Лёниных глаз. Он вытащил носовой платок, принялся вытирать книгу. Но это не помогло. Тогда он прижал её к груди и пошёл дальше, — в школу-то ведь всё-таки опаздывать нельзя!

«Хоть бы кто из ребят не увидел! — думал Лёня. — Что тогда будет!..»

На школьном дворе Лёню догнал его лучший дружок Ваня Маков. Ваня хотел о чём-то спросить, но увидал мокрую книгу и ахнул:

— Ой-ой! Что ты с книгой сделал?

— А что я — нарочно? — сердито ответил Лёня. У него было очень тяжело на сердце. Но Ваня не понял этого.

— А ещё школьник! — продолжал Ваня. — Наши школьные книги не бережёшь!

— Да, не берегу, не берегу! — закричал Лёня. — Знаешь ты! И не лезь!

Ваня обиделся:

— Как не лезь? Нет, я буду лезть. Я староста класса, вот и буду лезть!

— А будешь лезть — получишь!

— Ох, какой!.. Книгу испортил да ещё...

И тут же, среди двора, Лёня и Ваня подрались. Ребята-школьники смотрели на них и смеялись:

— Глядите! Петухи дерутся.

3

Весь первый урок и весь второй урок Лёня был неспокоен. Заслушается учительницу — забудет про свою беду. А через минуту снова вспомнит, и сердце сожмётся. Как он пойдёт к Анне Петровне? Как он явится?

Но вот подошла большая перемена. Лёня вытащил из парты ещё не просохшую книгу и пошёл в библиотеку.

— Ну, давай твою книгу, — сказала Анна Петровна. — Интересная? Понравилась?

— Понравилась, — сказал Лёня, глядя куда-то в пол.

Анна Петровна взяла книгу, и брови её поднялись от изумления:

— Ты что же с нею сделал?

Лёня стоял насупившись, и белый вихорок торчал у него на макушке.

— Ступай в класс — уже звонок, — сказала Анна Петровна, — а книг я пока тебе не дам. Ты, видно, ещё маленький и книгу беречь не умеешь.

— Ну и не надо, — ответил Лёня и вышел из библиотеки.

— Ага! — крикнул Ваня Маков, как только Лёня вошёл в класс. — Книжек-то больше не дали!

Ваня ещё помнил утренние тумаки, потому и захотелось ему подразнить Лёню. А Лёня был в таком горе, что не мог стерпеть и опять бросился в драку. Но тут в класс вошла учительница.

— Это что такое? — строго сказала она. — Ты, Лёня, сегодня целый день дерёшься. Придётся тебе за поведение отметку снизить.

Лёня быстро взглянул на учительницу, в круглых глазах его заблестели слезинки. Но он тотчас справился с собой, проглотил слёзы и сел на своё место. И казалось, что белый вихорок сегодня упрямей, чем всегда, торчит у него на макушке.

4

Зина узнала всё: и что Лёня испортил книгу, и что дрался, и что чуть не получил двойку...

— Вот мама придёт — порадуется на твои успехи! — сказала Зина. — А он ещё на двери катается, будто у него и не случилось ничего!

Лёня сделал вид, что Зинины слова летят мимо и никак его не касаются. Он катался на двери, повиснув на ручках, и что-то пел.

— Посмотрим, что тебе будет! — продолжала Зина. — Уж больно ты весёлый!..

Мама пришла с работы вечером. Пока она переодевалась, пока умывалась в кухне, Зина всё успела рассказать ей. А Лёня сидел в углу на маленькой скамеечке, поглядывал исподлобья и молчал.

Наконец мама вошла в комнату, села на диван.

— Подойди ко мне, сынок! — сказала она.

Лёня подошёл. Мама заглянула в его глаза.

— У!.. Сколько вины! И сколько беды!

«Да, — подумал Лёня, — конечно, беда. Всё и началось-то из-за беды!»

А вслух сказал:

— А уж они скорей: то книжку не давать, то двойку ставить!

— Подожди, сынок, — остановила его мама, — а ты Анне Петровне рассказал, как было дело?

— Нет.

— А учительнице объяснил?

— Нет.

— А с Ваней своим горем поделился?

— Нет.

— Ну, вот видишь! Ты всё молчал. А как же люди догадаются, что твоя вина с беды началась?

Лёня посмотрел на маму:

— Не догадаются! А ты догадалась же? А ведь я тебе тоже ничего не рассказывал!

— Ах, сынок, — улыбнулась мама, — я другое дело! Для меня в твоих глазах и без рассказа всё до словечка написано!

И она своей жёсткой тёплой рукой пригладила упрямый вихорок, торчавший у него на макушке.

МАРТ

Е. ТРУТНЕВА

Летят последние снежинки,
Повисли с крыш сосульки-льдинки.
Всё чаще в вышине видна
Весенняя голубизна.
Порой мороз ещё грозится,
Но — кончена его пора.
Сегодня с самого утра
В берёзах пинькает синица.
И в первой луже под капелью,
Никем не считаны, ничьи,
Купаются, взъерошив перья,
Соседи наши — воробьи.

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Высотный змей

Возле площади свободной
Дом поднялся над Москвой.
Тучи в небе
дом высотный
Задевает головой.

Сразу ростом маловаты
Стали все дома кругом.

Шли по улице два брата,
Увидали новый дом.

И никто бы не приметил
Двух братишек и друзей,
Если б с ними не был третий:
Третьим был —
воздушный змей.

Ладно, был бы змей газетный,
Змей, где щепочки крестом.
Ладно, был бы неприметный,
С разлохмаченным хвостом.
Нет!
Был птицей белокрылой,
Был он лёгок и упруг.
И московский ветер с силой
Так и рвал его из рук.

Был коробчатым он змеем.
Месяц делали его.
И вблизи столярным клеем
Вкусно пахло от него.

Змей держа руками крепко,
Старший брат сказал:
— Пошли! —
Тут мальчишка в новой кепке
Вырос, как из-под земли.

Смерил змей он дерзким глазом,
Дёрнул змей он за шпагат.
— Отойди! —
Сказали разом
Старший брат и младший брат.

Паренёк сказал:
— Потише! —
И на братьев не глядит.
— Всё равно до этой крыши
Ваш сундук не долетит!

— Сам сундук! —
ответил младший.
— Долетит! —
сказал старшой.
Словом, так или иначе,
Разгорелся спор большой.

От задиры нет покою,
Отвечать лишь поспевай.
Наконец, махнув рукою,
Старший брат сказал:
— Давай!..

Распустил слегка бечёвку,
Руку в сторону отвёл.
Дрогнул змей, нырнул неловко —
И пошёл,
пошёл,
пошёл...

Вот он, выпуклый и белый,
Стал не больше голубка.
— Ну?! —
Спросили братья смело,
Покосясь на паренька.

Только радоваться рано...
Бечева скользит из рук.
Тут стрела большого крана
Описала полукруг.

Змей швырнуло набок круто,
Потянуло с силой вниз.
И, подкошенный как будто,
Змей забился
и повис.

Со стрелы его не стянешь,
Он висит на колесе.
Где второй такой достанешь!
— Змей пропал! —
решили все.

Ладно, был бы змей газетный,
Змей, где щепочки крестом.
Ладно, был бы неприметный,
С разлохмаченным хвостом.

А ведь это
не мочала,
Это змей не на щепах.
Из какого материала!
На клею
и на шипах!

Скрыть досады не умея,
Старший брат проговорил:
— Жалко змея!
— Жалко змея! —
Спорщик в кепке подтвердил.

И пропал бы змей, конечно,
Но на кране в этот миг:
— Жаль ребят! —
сказал сердечно
Загорелый крановщик.

Тут ребята увидали
Человека на стреле.
Ветры куртку с плеч срывали —
Там не то, что на земле!

По стреле тяжеловато,
Оступиться не боясь,
Словно в цирке по канату,
Он идёт не торопясь.

Спор горячий позабылся.
Не сводя с фигурки глаз:
«Только бы не оступился!» —
Трое думают сейчас.

Взялись за руки два брата:
«Ух, какая вышина!»

Спорщик смотрит виновато —
Это он всему вина.

А над площадью столичной,
По стреле, над всей Москвой,
Крановщик шагал привычно,
Как по ровной мостовой.

Он легко дошёл до края
И распутал бечеву.
И воздушный змей, играя,
Отшатнулся в синеву.

Крановщик и сам когда-то
Змей пускал под небосклон.
— Мастера, видать, ребята! —
Оценил работу он.

И, руке его послушный,
Взвился выше неспроста
Змей коробчатый,
воздушный,
Без мочального хвоста.

Схож был с птицей белокрылой
Змей воздушный на лету,
И московский ветер с силой
Нёс красавца в высоту.

Где спаситель змея скромный?
Он пропал из виду вдруг.

В это время кран подъёмный
Сделал плавный полукруг.

Глыбу серого бетона
Подхватил концом крюка.

И вздохнули облегчённо
Три московских паренька.

Помахали верхолазу,
За бечёвку все взялись.
Книзу змей уходит сразу,
Этажи уходят ввысь.

И на Ленинские горы
С белокрылым летуном
Через весь гудящий город
Зашагали все втроём.

Солнце грело веселее.
Облака за город шли.

Как коня,
большого змея
Три товарища вели.

НОВЫЙ ДОМ

Э. ШИМ

Рис. Ю. КОРОВИНА

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

Я очень рисовать люблю. Есть у меня большая тетрадь и цветные карандаши. И я куда ни приду — везде рисую. В тетради у меня уже много чего нарисовано. Корабли с красными флагами. Самолёты в облаках. Паровозы с трубами. Лошади, кошки и даже бегемот.

А однажды мы с бабушкой гуляли в саду, и я рисовал деревья. Вдруг к нам дяденька подошёл. Высокий, с усами. Сел рядом на скамейку и спрашивает:

— Деревья рисуешь?

— Да, — говорю. — Вон, которые у дороги.

— А почему же там они зелёные, а у тебя в тетради — синие?

Я говорю:

— Они не нарочно синие... Я зелёный карандаш дома позабыл.

Засмеялся дяденька:

— Понятно. Дай-ка посмотреть, что у тебя изображено.

Я дал.

Смотрел он, смотрел. Потом говорит:

— В общем, хорошо. Даже очень. Только вот лошади у тебя рогатые, а у кошек по две ноги... Дай-ка карандаш.

Взял карандаш и — раз! раз! — по кошкам. Ноги им пририсовал и хвосты. Так быстро, будто только обводил.

Я говорю:

— Ещё!

Он тогда сам кошку нарисовал. Мохнатую, с глазами.

Я на него получше посмотрел. А он очень весёлый. Очки из кармана торчат, как у бабушки.

А бабушка тоже на него посмотрела. Спрашивает:

— Простите, вы сами — кто? Художник?

Он головой замотал:

— Нет, я рабочий. Просто в свободное время люблю порисовать. А так — работаю на стройке, недалеко отсюда. Вон, видите, мой кран стоит за забором. Мы там дом строим.

Встали мы, подошли к забору. А за ним высокая башня. Будто из железных лесенок сделана. Это и есть кран.

Пока я на кран смотрел, дяденька стал прощаться.

— Мне, — говорит, — итти пора. Обеденный перерыв кончился. А ты, Федя, приходи ещё. Рисунки покажешь... Ладно?

Я говорю:

— Приду.

Попрощался дяденька и ушёл.

Мы увидели, как по крану он влез в стеклянную комнатку. И сел там, как в большом фонаре. Я хотел спросить — зачем? А бабушка сказала:

— Он из этой кабины управляет краном. Стенки в кабине стеклянные, чтобы всё видеть вокруг.

Дяденька-крановщик сверху меня увидел и рукой помахал.

Я тоже стал махать, а бабушка говорит:

— Вот какой хороший человек. Ты бы, Федя, подарок ему сделал. Возьми да и нарисуй кран!

Я обрадовался. Это бабушка хорошо придумала! Сел скорей и давай рисовать. Забор нарисовал, кран и комнатку стеклянную, кабину. А в кабине окошечко, и оттуда — усы чёрные. Это значит, что

дяденька внутри. Сделал всё, бабушке понравилось.

— Вот и хорошо. Завтра отдадим подарок.

НЕ ТАК!

А назавтра шёл дождь, и в саду мы не были. И ещё один день шёл дождь. Но потом солнышко выглянуло, и мы с бабушкой пошли скорей относить рисунок.

Дяденька сидел на той же скамейке. Я его увидел и кричу:

— Дяденька... дяденька! Мы вам подарок принесли!

Он встал, улыбается.

— Меня, — говорит, — Семёном Ивановичем зовут. А что за подарок?

Я сразу тетрадку протянул. Он взял и смотрит.

— Кого же ты тут изобразил?

Бабушка подошла и объясняет:

— Разве непонятно, молодой человек? Федя вашу стройку нарисовал. И очень похоже...

А Семён Иванович смеяться начал.

— Самого себя, — говорит, — я вижу. Вон усы из окошка торчат. А стройки-то и нет. Не так нарисовано! Смотри-ка, ведь непохоже?

Приподнял меня и показывает. Я поглядел — и не понял сразу. Подумал, что это другое место. За забором стоит дом. Без крыши, будто обломанный, но высокий. Достаёт до стеклянной комнатки на кране. А кран-то знакомый, дяденькин.

Бабушка очки протёрла.

— Помилуйте, — говорит, — но ведь этого дома там не было?!

И я кричу:

— Не было! Не было!

А Семён Иванович смеётся, усы кверху поднялись.

— Не знаю, не знаю... Только ведь и вправду непохоже! Покажу я этот рисунок другим рабочим, а они и скажут, что ты рисовать не умеешь!

Я говорю:

— Нет, умею! Я ещё другой нарисую. С домом!

Потом, когда дяденька ушёл, мы долго стояли и смотрели на стройку. И поняли, откуда взялся дом. Его выстроили так быстро.

Дяденькин кран поднял вверх целую стену. Совсем уже сделанную. Поставил на дом. Рабочие к ней подошли. Застучало, загремело внутри. В окнах синий свет сверкнул, будто в доме гроза. А кран ещё одну белую стену принёс. Поставил. И сразу дом стал выше стеклянной кабинки, выше усов Семёна Ивановича.

Бабушка вверх смотрит и мне говорит:

— Давай, Феденька, нашего знакомого

перехитрим. Будешь рисовать — приделай наверху лишний этаж. Про запас!

Вот какая хитрая бабушка!

ОПЯТЬ НЕ ТАК!

В другой раз мы пришли — и сразу к дому. Поглядеть, есть ли на нём тот этаж, что мы пририсовали.

А на доме не только этаж, а уже и крыша есть!

Бабушка даже охнула тихонько. Очки надевает, шепчет:

— Невероятно...

Вдруг Семён Иванович показался. Идёт в белой рубашке, нарядный, как на празднике. Я к нему подбежал, рукой машу:

— Почему так? Почему?!

Он говорит:

— Почему дом, как в сказке, вырос? Очень просто. Раньше по кирпичику дома строили. Раз! — и положат кирпичик. Два! — и положат второй. А теперь иначе... Раз! — и стену поставим. Два! — и вторую. Вот и растёт дом не по дням, а по часам.

Бабушка говорит:

— И впрямь, на сказку похоже!

А Семён Иванович смеётся:

— Ну, это не все чудеса. Вот завтра эта картина ещё изменится...

Бабушка даже рассердилась:

— Как — опять?! Шутите, уважаемый! Не смогут же дом поверх крыши надстроить?!

— Приходите, — говорит Семён Иванович, — сами увидите.

ДВА ПОДАРКА

На другой день мы увидели вот что.

Вокруг нового дома росли толстые деревья. Высокие-высокие и густые. Мы подбежали, и бабушка их рукой потрогала. Будто не верит, что настоящие.

А Семён Иванович идёт с нами весёлый, опять смеётся.

— Вот, — говорит, — про деревья-то я и говорил. Их ночью привезли на грузовиках и посадили тут. А сейчас я хочу вам показать, для кого этот дом выстроен...

Мы к дому подошли. А там на дверях висит синяя дощечка.

Бабушка очки надела и говорит:

— Ах, вот оно что!.. Оказывается, Федя, это школа.

Вот и всё.

Я сделал последний рисунок — школу и вокруг деревья. И не синие, а настоящие, зелёные. Подарил рисунок строителю Семёну Ивановичу.

А другой такой же рисунок я сделал в подарок школе, в которую пойду первого сентября. И ещё я решил, что когда вырасту, то тоже буду строителем.

Есть на юге Европы большая страна Италия. Много там и красивых больших городов, и садов, и полей, и многоводных рек, и сочных пастбищ в горах, и рыбы в море. Богатая, красивая страна! А живёт итальянский народ очень бедно. Потому что правят страной фабриканты, помещики и попы. Им нет дела до счастья народа. Они давно продались американским миллионерам, которые хотят превратить итальянцев в солдат для новой войны. Но итальянские коммуни-

сты высоко держат знамя борьбы за мир, за свободу и независимость своей родины. Весь трудовой народ Италии помогает коммунистам в этой борьбе. Помогают, чем могут, и дети итальянских рабочих.

Здесь художник нарисовал маленьких борцов за мир — итальянских пионеров, которые продают на улицах свою газету «Пионьере». Эта газета учит итальянских ребят бороться за мир и свободу, учит ненавидеть войну и фашизм.

ПЕРЕПОЛОХ

АЛЕКСАНДР КОПЫЛЕНКО *Рис. Д. ГОРЛОВА*

Намело снегу в лесу немало, такого пушистого, белого... Тяжело человеку ходить в лесу зимой. А на лыжах куда угодно пройдёшь.

Тихо вокруг, только поскрипывает морозец в стволах сосен, ёлок и дубов.

Скрип-скрип...

Звери лесные не боятся снега, и мороза не боятся. Звери оделись в тёплый мех, птицы — в густой пух.

Под дуплом старого дуба мышь ещё летом норку вырыла, наносила тоненьких травинок и сухого мха — выстлала ими тёплое своё жилище.

Спала мышь, выспалась, надо и прогуляться. Вылезла из норки, оглянулась вокруг. Тихо, глаза слепит снежок.

Забралась она на пенёк, смотрит — сухое семечко сюда ветер принёс. Полакомилась сухим семечком и начала шубку свою чистить. Как вдруг прямо над нею что-то чёрное и большое припало к стволу дуба. Испугалась мышь: врагов у неё не перечесть! Испугалась — да бух с пенька в норку. Сидит, не шевелится. Обрадовалась, что скрылась от страшной беды.

Что ж это за страшилище припало к стволу? Тихонечко выглянула мышь из норы, оглянулась, а это дятел прилетел за жучками. Дятел — птица не страшная, хоть у него и клюв сильный и лапы, как крючки. Лазит дятел и — тук-тук клювом, тук-тук.

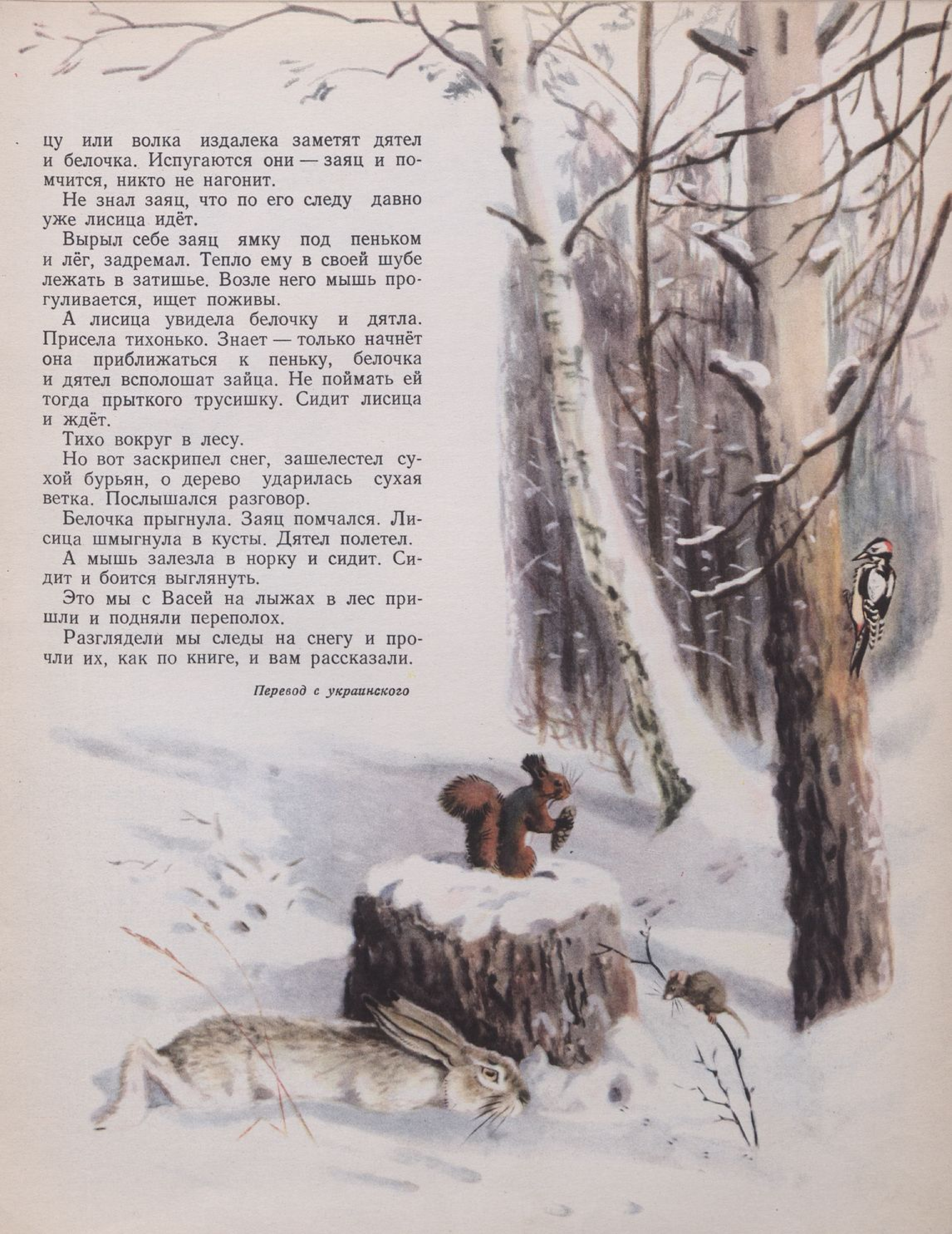
Вот под корою спрятался на зиму жучок-вреднячок. Летом будет вот такой жучок дерево портить. Дятел схватил жучка и проглотил. Так и работает дятел целый день — истребляет вредителей, что под корой прячутся.

Увидела мышь дятла — вылезла из норки. А белка нежданно-негаданно прыгнула на пенёк, шишка еловая у неё в лапах. Села белочка завтракать. Посматривает на мышь да на дятла, шишку грызёт, семена вылущивает.

Но кто это там прыгает между кустами, среди сухого бурьяна? Дятел тихо пискнул и умолк, белка насторожилась, а мышь уже не скрывается в норке — ей любопытно взглянуть на большого зверя. Белка не убегает, дятел работает спокойно, — значит, зверь не страшный.

Так это ж заяц пушистый ищет себе укромный уголочек для отдыха! Подскочил к молодой дикой груше, погрыз немного кору и прыгнул под пенёк, где мышиная норка. Вот тут он и отдохнёт. Звери не страшные собрались. Лиси-

цу или волка издалека заметят дятел и белочка. Испугаются они — заяц и помчится, никто не нагонит.

Не знал заяц, что по его следу давно уже лисица идёт.

Вырыл себе заяц ямку под пеньком и лёг, задремал. Тепло ему в своей шубе лежать в затишье. Возле него мышь прогуливается, ищет поживы.

А лисица увидела белочку и дятла. Присела тихонько. Знает — только начнёт она приближаться к пеньку, белочка и дятел всполошат зайца. Не поймать ей тогда прыткого трусишку. Сидит лисица и ждёт.

Тихо вокруг в лесу.

Но вот заскрипел снег, зашелестел сухой бурьян, о дерево ударилась сухая ветка. Послышался разговор.

Белочка прыгнула. Заяц помчался. Лисица шмыгнула в кусты. Дятел полетел.

А мышь залезла в норку и сидит. Сидит и боится выглянуть.

Это мы с Васей на лыжах в лес пришли и подняли переполох.

Разглядели мы следы на снегу и прочли их, как по книге, и вам рассказали.

Перевод с украинского

НАНУЛИ

МАРИКА БАРАТАШВИЛИ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

От неряхи Нанули
Девочки отпрянули.
Закричали ей подруги:
— Ты опять не мыла руки?
Ты не моешься водицей.
Не хотим с тобой водиться!

Рассердилась Нанули
На своих подруг.
Побежала Нанули
На зелёный луг.

Вот и клевер лиловатый,
Вот и розовый вьюнок...
Рядом с матушкой рогатой
На лугу стоит сынок.

Шерсть бычку корова лижет
Тёплым длинным языком,
А бычок на ножках рыжих
Повернулся к ней бочком.

Закричала Нанули:
— Рыженький ты мой!
Подойди ты к Нанули,
Поиграй со мной!

— Му! — сказал бычок в ответ.
Не желаю! Нет, нет, нет!

Ты немытыми руками
По спине меня не гладь,
А не то придётся маме
Умывать меня опять!

У тебя все пальцы в саже, —
Так бычок ей говорит, —
Если ты меня измажешь,
Мне от мамы нагорит!

Закричала Нанули,
Топнула ногой,
Закричала Нанули:
— Ты противный, злой!

Я других друзей найду.
Я с котом играть пойду!

Кот мурлычет сладко-сладко,
Кот на солнышке сидит,
Моет шею мокрой лапкой
И на девочку глядит.

Закричала Нанули:
— Котик милый мой!
На колени к Нанули
Прыгни, дорогой!

— Мяу! — кот сказал в ответ. —
Не желаю! Нет, нет, нет!

...А вдали собачья будка...
Пёс на солнышке сидит.
Притворился — спит как будто,
На неряху не глядит.

Закричала Нанули:
— Пёсик милый мой!
Подойди ты к Нанули,
Поиграй со мной!

— Гав! — сказал ей пёс в ответ.—
Не желаю! Нет, нет, нет!

У тебя пятно на щёчке,
В чёрных пятнах вся рука,
И одна нога в носочке,
А другая без носка!

Ты не тронь меня, не пачкай!
Видишь, шерсть моя чиста!
Утром моется собачка
Вся — от носа до хвоста.

Не хочу с тобой играть я —
Я запачкаться боюсь,
На измазанные платья
Никогда я не сажусь!

У тебя в грязи все пальцы, —
Видно, мыться было лень.
Если тронешь, умываться
Мне придётся целый день!

Закричала Нанули,
Топнула ногой,
Закричала Нанули:
— Ты противный, злой!

Я с тобою не дружу!
Всё я маме расскажу!

Закричала Нанули,
Топнула ногой,
Закричала Нанули:
— Ты противный, злой!

Я других друзей найду.
Я с козой играть пойду!

Возле дома, у порога
На ветру стоит коза,
На девчонку смотрит строго,
Щурит жёлтые глаза.

Закричала Нанули:
— Козочка моя!
Ты побегай с Нанули,
Догони меня!

— Ме! — ей козочка в ответ. —
Не желаю! Нет, нет, нет!

Я умытых, аккуратных,
Чистых девочек люблю,
А таких, чьи платья в пятнах,
Я, признаться, не терплю!

Я тебя предупреждаю:
Не ходи сюда ко мне!
А не то я забодаю,
Забодаю! Ме, ме, ме!

Испугалась Нанули,
Бросилась бежать.
Испугалась Нанули
И давай кричать!

Ей навстречу из речонки
Стаей гуси поднялись.
— Га, га, га! — кричат девчонке.—
Ну-ка, в речку поглядись!

Погляди: пятно на щёчке,
В чёрных пятнах вся рука,
И одна нога в носочке,
А другая без носка!

Мчится дочка прямо к маме:
— Где мой тазик, где вода?
Больше с грязными руками
Я не выйду никогда!

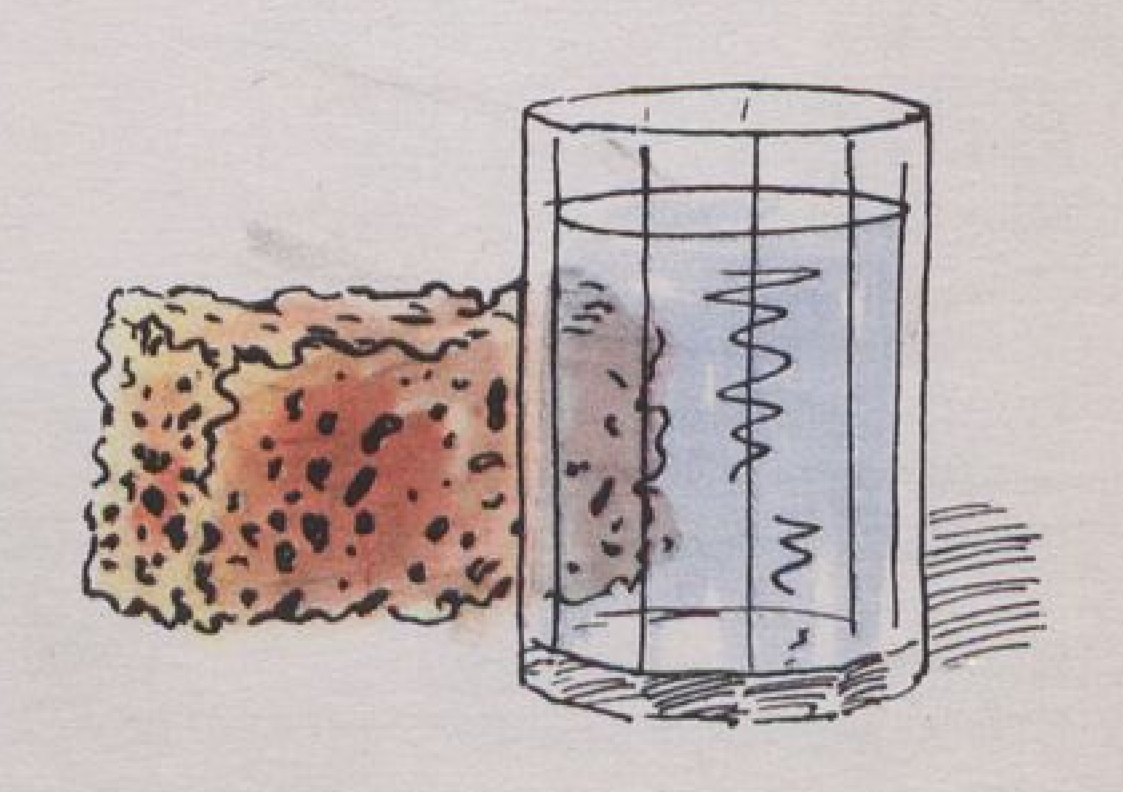
Пачкать платье я не буду,
Не помну воротничка,
И второго не забуду,
Не забуду я носка!..

Стала чистой Нанули,
Гости к ней нагрянули:

С ней играют все ребята,
Гуси, козы и бычки,
А котята и щенята
К ней бегут вперегонки.

Перевела с грузинского
Е. Тараховская

ЧТО ИЗ ЧЕГО

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ и Ю. КОРОВИНА

Ты человек любопытный и, когда видишь новую вещь, всегда спрашиваешь: из чего она сделана?

Иногда легко ответить на такой вопрос: стол сделан из дерева, кровать — из железа.

Но бывает, что вещи совсем не похожи на то, из чего их смастерили. У кувшина мало сходства с глиной: чтобы глина стала кувшином, ей надо было сначала придать форму кувшина, а потом обжечь её в большой печи.

Шёлк делают из паутинки, в которую закутываются шелковичные черви.

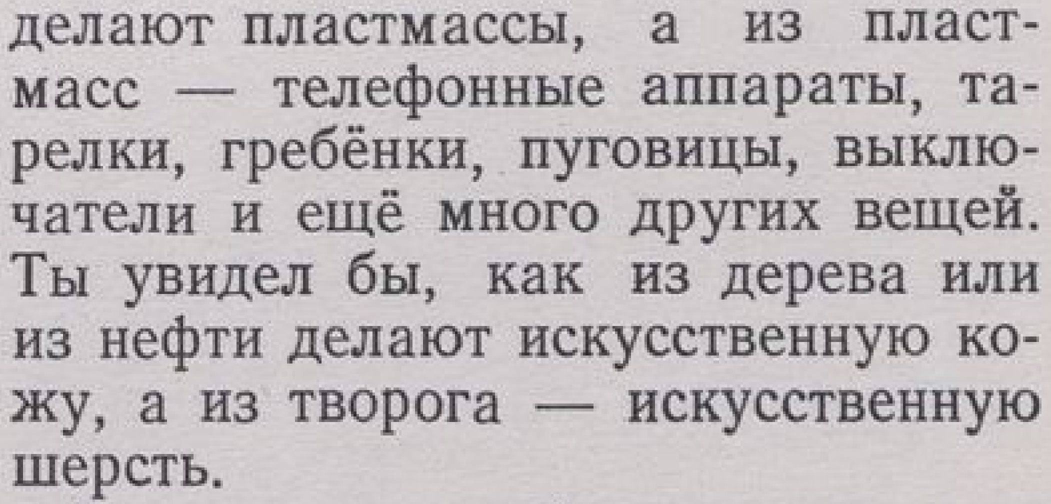
А похожа ли книга на ёлку? Тебе, вероятно, и в голову бы не пришло, что и книга и нарядное шёлковое платье твоей мамы сделаны из ёлки.

А твои калоши! Ты и не поверил бы, если бы тебе сказали, что они из опилок. Но если бы ты побывал на химическом заводе, то увидел бы собственными глазами, как из древесных опилок получают спирт, а из спирта — резину.

Резину добывают у нас также из сока кок-сагыза и некоторых других растений.

А на других заводах тебе показали бы, как из угля или из нефти делают пластмассы, а из пластмасс — телефонные аппараты, тарелки, гребёнки, пуговицы, выключатели и ещё много других вещей. Ты увидел бы, как из дерева или из нефти делают искусственную кожу, а из творога — искусственную шерсть.

Возьми самую обычную вещь, как твоя же собственная рубашка, и подумай: из чего она сделана?

Из ситца.

А откуда ситец берётся?

Есть у нас в стране такие места, где лето длится долго, а солнце греет жарко. Там на полях растут кусты, а на кустах диковинные плоды. Каждый плод в виде коробочки, а в коробочке семена, сплошь покрытые волосками. Вот из этих-то волосков — из хлопка — делается ситец.

Как же из хлопка ситец делают?

Первым делом волоски надо отделить от семян, а потом расчесать да пригладить.

В парикмахерской волосы людям расчёсывают и приглаживают щётками и гребёнками. И на прядильных фабриках тоже есть щётки да гребёнки.

Щётки там не простые, а со стальной щетиной.

Расчесав хлопок щётками, пропускают его сквозь круглое отверстие. Получается толстый рыхлый шнур — лента. Она хоть и толстая, но непрочная, а нужно из неё сделать нитку — тонкую и прочную.

Для этого несколько лент складывают вместе, чтобы крепче было, и вытягивают, пока не получится тоненький ровный шнурок — ровница.

А ровницу, чтобы она ещё прочнее была, скручивают. Вот и получается ниточка — тоненькая да кручёная. И делают это тоже не руками, а на машинах. В этих машинах веретёна сами вертятся — тысячи веретён! Вся фабрика так и жужжит от их верченья, как улей.

И вот пряжа готова. Но пряжа — это нитки. Как же нитки в ткань превращаются?

Рассмотри-ка на свет кусочек ткани. Она вся из ниток. А ниточки эти крест-накрест переплетены. Одни нитки вдоль идут, а другие — поперёк.

На ткацких фабриках нитки переплетают на больших станках, которые приводятся в ход электричеством.

У станка с обеих сторон огромные катушки: с одной — нитки сматываются, а на другую — готовая ткань наматывается.

Поперечную нитку не руки просовывают, а челнок, который быстро-быстро снуёт взад и вперёд. Когда в челноке кончается нитка, станок сам заменяет его другим. Если нитка оборвётся, станок сам останавливается и ждёт, когда работница свяжет оборванные концы.

У нас немало таких ловких, умелых работниц, которые сразу присматривают за десятками станков. Каждая из них может похвалиться тем, что её ткани носят тысячи людей.

Да иначе и нельзя. Сколько ткани надо наткать, чтобы всех одеть — и больших и малых, и ребят и взрослых. Ведь народу у нас в стране столько, что и сосчитать трудно. Потому-то и построены у нас во многих местах большие прядильные и ткацкие фабрики.

Когда ткань сходит со станка, из неё ещё нельзя шить. Она некрасивая, желтоватая.

Чтобы сделать ткань чистой и нарядной, её перевозят на третью фабрику — ситцепечатную.

Там ткань первым делом белят, стирают. А чтобы она была красивой, печатают на ней красками полоски, горошины, цветочки. На фабрике есть художники, которые придумывают для тканей всякие рисунки и расцветки.

Готовую ткань везут в магазин. А там её раскупают — кто на рубашку, кто на платье, кто на косынку.

И смотришь, у тебя на рубашке точь-в-точь такие же синие полосочки, как у твоей сестры на платье. Видно, мама и твою рубашку и её платье из одного материала сшила.

Вот как твоя рубашка сделана. В одной старой книжке сказано, что рубашка в поле выросла. И это правильно: ведь её из хлопка сделали, а хлопок в поле вырос.

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
— Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;

Поперёк его лежит
Чудо-юдо, рыба-кит.
...Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;

Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут.
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Из сказки П. Ершова ,,Конёк-горбунок"

Мышь-говоруха

МОДЕСТ БОГДАНОВ

Рис. В. ТРОФИМОВА

Когда-то, давно-давно, старая няня, укачивая меня, рассказывала сказочку про м у х у-б а б у х у и м ы ш ь-г о в о р у х у.

Я был тогда очень маленький, но помню, что сказочка няни не дала мне спать до самой полуночи. Так мне захотелось видеть эту мышь-говоруху!

Долго ли, коротко ли прошло, уже не помню, только сидел я раз на мягком диване и играл со своими куколками. Няня вышла зачем-то. Остался я один. Вдруг из-под комода выставилась мордочка, хорошенькая, серенькая, с чёрными глазками, ушками-торчушками. Я испугался и притих. Немного погодя мордочка зашевелилась, высунулась вперёд; показалась серая спинка и длинный хвостик. Мне очень захотелось схватить её, но чудный зверёк пропал. Ах, как мне было досадно!

Приходит няня, я рассказываю ей, что видел. «Да это мышка», — говорит. Так вот она какая, мышь-говоруха! С тех пор я стал отчаянным мышеловом. Я пускал в ход всякие ловушки для ловли мышей. Много раз держал их в клетках или между рамами. Но прошло много лет, прежде чем я познакомился с мышью-говорухой. Я даже забыл сказочку няни, зато могу сказать вам, что мышь-говоруха, что мышка-певунья действительно есть. Только она попадается редко, так редко, что даже учёные каждый раз пишут о ней в журналах. Это так называемая певчая мышь.

Однажды, много лет спустя, поздно вечером читал я книгу; все уже спали; в доме царила глубокая тишина. Вдруг слышу я, запела не то канарейка, не то какая-то другая птичка.

Прислушиваюсь внимательнее — поёт в моей комнате, как раз под шкафом с книгами. Только что я пошевелился — песня смолкла. Я притих, и минут через пять снова раздались весёлые трели, но на этот раз уже под кроватью. Сомнение исчезло. Это мышка-певунья, м ы ш ь-г о в о р у х а, которую я тщетно искал много лет, и я дал себе слово поймать её во что бы то ни стало. Расставил ловушки и в следующие дни поймал несколько мышей, посадил их в клетки. Но увы! Они не пели. Наконец счастье улыбнулось мне. Мышка-певунья была поймана, посажена в клетку и не замедлила выказать свой музыкальный талант. Ничего в ней особенного не было. Мышь как мышь: здоровая, бойкая. Она жила у меня больше полугода; скоро привыкла, сделалась ручной.

Она устроила себе гнёздышко из ваты, которую я положил в клетку, и сидела в нём целые дни молча. Но как только наступит вечер, утихнет шум, улягутся все спать, мышка выходила из гнезда, ела, пила, чистила свою мордочку и шубку, проворно лазила по клетке и пела, да так хорошо, что издали можно было принять её за канарейку. Забавно было смотреть на неё, когда она усядется на задних лапках и начнёт выводить свои трели. Я показывал её многим, как диковину, и все убеждались, что действительно есть поющие мыши. Но объяснить этого странного явления никто не мог. Я и сам не понимал его долго.

Дело объяснилось, однако, случайно, но вместе с тем очень просто.

Во время моего путешествия в Хиву, через пустыню Кызыл-Кумы, наш караван остановился на отдых среди холмов сыпучего песка, недалеко от колодца. Я слез с лошади и в то время, как развьючивали верблюдов и готовили обед, прилёг на войлоке отдохнуть. Вдруг слышу знакомое пение, очень похожее на пение моей мышки. Смотрю, около норки, на склоне песчаного бугра сидит маленький рыжий зверёк с пушистым хвостиком. Сидит на задних лапках, поглядывает по сторонам и распевает.

Это была песчанка, один из тех мелких зверьков, которые во множестве живут в песчаных пустынях.

Песчанки очень похожи на мышей, с той разницей, что они крупнее и хвостик их покрыт пушистой шерстью. Они питаются семенами саксаула и других пустынных растений. Живут в норах, которые роют в песке, целыми семействами и колониями. Наевшись, песчанки резвятся, бегают по песку, играют между собой, точь-в-точь как наши мыши. Но в это время на вершине холма, недалеко от норы, сидит непременно старая песчанка. Это часовой, который зорко стережёт врага и в то же время распевает свою песенку. Вот из-за соседнего бугра выглянула хитрая мордочка с зелёными лукавыми глазами, с большими ушами. Она то покажется, то исчезнет. Заметил её часовой, свистнул, бросился в нору — и мигом скачут туда все песчанки. Выскочил из засады корсак — маленькая степная лисичка, но — увы! — поздно: поживы нет; не достать ему песчанок в глубокой норе. Плетётся голодный корсак дальше, авось где-нибудь попадётся песчанка. С наступлением зимы многие песчанки, побуждаемые голодом и холодом, забираются в жилища людей. Но здесь вы не услышите их песни; вы не услышите их днём. Они прячутся и живут молча, стараясь не выдать себя, и выходят грабить хозяйское добро только ночью. Точь-в-точь наши мыши.

Может быть, и вольные предки мышки пели, когда они жили вдали от человека. Поселившись в человеческом жилье, они утратили эту повадку: жизнь в домах не та, что в степи или на поле. Лишь у немногих из них сохранилась привычка издавать в ночной тишине звуки, напоминающие трель поющей птицы. Эти-то мыши-певуньи и послужили основой для сказки о мышке-говорухе, которую мне рассказала няня.

Для детей обработал ***И. Халтурин***

На обложке — рисунки Ю. Васнецова

Художественный редактор О. Жажнин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать девятый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А00936 Подписано к печати 2/II 1953 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 325 000 экз. Заказ 13

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

ЗАГАДКИ

Без рук,
Без топорёнка
Построена избёнка.

В воде купался,
А сух остался.

Над бабушкиной избушкой
Висит хлеба краюшка.
Собака лает,
А достать не может.

Не ездок,
А со шпорами;
Не сторож,
А всех будит.

Дорогие ребята! Посмотрите на эту картинку и поищите на ней ответы на загадки.